

И. С. Тургенев

Письма из Берлина

И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах.
Сочинения в пятнадцати томах.

М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1960

Том первый. Стихотворения, поэмы. Статьи и рецензии. Прозаические наброски (1834-1849)

[OCR Бычков М. Н.](#)

Письмо первое, 1 марта н. ст. 1847

"...Вы желаете услышать от меня несколько берлинских новостей... Но что прикажете сказать о городе, где встают в шесть часов утра, обедают в два и ложатся спать гораздо прежде куриц,-- о городе, где в десять часов вечера одни меланхолические и нагруженные пивом ночные сторожа скитаются по пустым улицам да какой-нибудь буйный и подгулявший немец идет из "Тиргартена" и у бранденбургских ворот тщательно гасит свою сигарку, ибо "немеет перед законом"? Шутки в сторону, Берлин -- до сих пор еще не столица; по крайней мере, столичной жизни в этом городе нет и следа, хотя вы, побывши в нем, все-таки почувствуете, что находитесь в одном из центров или фокусов европейского движения. Наружность Берлина не изменилась с сорокового года (один Петербург растет не по дням, а по часам); но большие внутренние перемены совершились. Начнем, например, с университета. Помните ли восторженные описания лекций Вердера, ночной серенады под его окнами, его речей, студенческих слез и криков? Помните? Ну, так смотрите же, помните хорошенько, потому что здесь все эти невинные проделки давным-давно позабыты. Участие, некогда возбуждаемое в юных и старых сердцах чисто спекулятивной философией, исчезло совершенно -- по крайней мере в юных сердцах. В сороковом году с волнением ожидали Шеллинга, шикали с ожесточением на первой лекции Штала, воодушевлялись при одном имени Вердера, воспламенялись от Беттины, с благоговением слушали Стеффенса; теперь же на лекции Штала никто не ходит, Шеллинг умолк, Стеффенс умер, Беттина перестала красить свои волосы... Один Вердер с прежним жаром комментирует логику Гегеля, не упуская случая приводить стихи из 2-й части "Фауста"; но увы! -- перед "трем" слушателями, из которых только один немец, и тот из Померании. Что я говорю! Даже та юная, новая школа, которая так смело, с такой уверенностью в свою несокрушимость подняла тогда свое знамя, даже та школа успела исчезнуть из памяти людей. Бруно Бауер живет здесь, но никто его не видит, никто о нем не слышит; на днях я встретил в концерте человечка прилизанного и печально-смирненного... Это был Макс Штирнер. Впрочем, понятно, почему их забыли; Фейербах не забыт, напротив! Повторяю: литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни, кажется, кончена. В последнее время, вы знаете, богословские распри сильно волновали немецкие души... Законное существование "немецких католиков" (Deutsch-Katholiken), наконец, признано; до сих пор еще не решен спор о непринятии д-ра Руппа (немецкого католика) в Общество Густава-Адольфа (Gustav Adolfs-Verein), учрежденное для поддержания *протестантских* приходов в католических землях, хотя общее мнение выразилось в пользу Руппа... Генгстенберг все еще хлопочет о привитии кальвинизма к евангелическому вероисповеданию... Так; но вы ошибетесь, если примете все эти движения, споры и распри за чисто богословские; под этими вопросами таятся другие... Дело идет об иной борьбе. Вы легко можете себе представить, какие смешные и странные виды принимает иногда, говоря словами Гегеля, *Логос* (или Мысль, или Дух, или прогресс, или человечество -- названий много в вашем распоряжении), добросовестно, медленно и тяжело развиваемый германскими умами... но от смешного до великого тоже один шаг... Особенно теперь все здесь исполнено ожидания...

На днях появилась здесь книга пресмешная и претяжелая, впрочем, очень строгая и сердитая, некоего г. Засса; он разбирает берлинскую жизнь по частичкам, и за недостатком других "элементов или моментов" общественности, с важностью характеризует здешние главные кондитерские... Первое издание этой книги уже разошлось. Это факт замечательный. Он показывает, до какой степени берлинцы рады критическому разбору своей общественной жизни и как им бы хотелось другой...

Искусство здесь -- увы!.. Представители искусства в Берлине все старики (Корнелиус, Раух, ваятель Тик, Шадов, Бегас -- уже ветераны); от их произведений веет холодом и смертью, смертью уже потому, что они почти все заняты сооружением и украшением могильных склепов, надгробных и других памятников. Возле собора воздвигается "Campo Santo" на манер итальянских (как, например, в Пизе,